

От корпоративной социальной ответственности к корпоративному устойчивому управлению: ретроспекция правового регулирования

А. В. Петрова

заместитель генерального директора по правовым и имущественным отношениям
Фонда поддержки социальных инициатив Газпрома.
Адрес: Фонд «Газпром социальные инициативы»,
119526, Москва, Вернадского просп., 101, к. 3.
E-mail: petrova.av@socialfondgaz.ru

From Corporate Social Responsibility to Corporate Sustainable Management: the Retrospective of Legal Regulation

A. V. Petrova

Deputy Director for Legal and Property Relations of the Gazprom Social Initiatives Support Fund.
Address: Gazprom Social Initiatives Support Fund,
101, building 3, Vernadskogo Avenue, Moscow, 119526, Russian Federation.
E-mail: petrova.av@socialfondgaz.ru

Аннотация

При формировании институтов социальной ответственности участников рыночных отношений, как и устойчивого корпоративного управления, российское бизнес-сообщество, юристы и законодатель не могли опираться на отечественные традиции, опыт и концепции ввиду их отсутствия. Это предопределило ориентацию на западный опыт, который был адаптирован с существенными особенностями, связанными со слабостью институтов гражданского общества, отсутствием у российского бизнеса стимулов к проявлению социальной ответственности и переходу к устойчивому корпоративному управлению. Наличие кодексов и деклараций, проведение разовых акций не свидетельствует о системном подходе к реализации социальной ответственности даже у крупных компаний, а единичное включение директоров по устойчивому развитию в штат компании – о переходе к новой форме корпоративного управления. Государство, как полагает автор, занимает в целом пассивную позицию, оставляя эти вопросы в сфере мягкого регулирования. Автор предлагает собственное видение дальнейшего правового конструирования концептуальной модели устойчивого корпоративного управления.

Ключевые слова: корпоративное управление, модель корпоративного управления, социальная ответственность бизнеса, устойчивое развитие, корпоративное право, мягкое регулирование, этический кодекс.

Abstract

When forming institutions of social responsibility of participants in market relations, as well as sustainable corporate governance, the Russian business community, lawyers and legislators could not rely on domestic traditions, experience and concepts, due to their absence. This predetermined the orientation towards Western experience, which was adapted with significant features associated with the weakness of civil society institutions, the lack of incentives for Russian business to demonstrate social responsibility and the transition to sustainable corporate governance. The presence of codes and declarations, the holding of one-time actions, even among large companies, does not indicate a systematic approach to the implementation of social responsibility, and the single inclusion of directors for sustainable development on the staff indicates a transition to a new form of corporate governance. The state, as the author believes, takes a generally passive position, leaving these issues in the sphere of soft regulation. The author offers his own vision of further legal construction of a conceptual model of sustainable corporate governance.

Keywords: corporate governance, the corporate governance model, social responsibility of business, sustainable development, corporate law, soft regulation, code of ethics.

В СССР после НЭПа понятие корпоративного управления в том смысле, в каком оно понимается в современном корпоративном праве, отсутствовало. Вопросы социальной ответственности применительно к социалистическим предприятиям и организациям, равно как и к нескольким действующим всесоюзным акционерным обществам (ВАО), не ставились, так как в соответствии с Конституциями 1936 и 1977 гг. они находились в общенародной собственности, что презюмировало их социально-ответственное поведение, как и всех субъектов социалистической экономики. В соответствии со статьей 15 Конституции СССР 1977 г., «высшая цель общественно-производства при социализме – наиболее полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей людей» – предполагала универсальную социальную ответственность перед гражданами, лежащую на государстве как основном собственнике средств производства и основном работодателе. Вопросы обязательной ведомственной (условно – «корпоративной») ответственности обсуждались и решались начиная с 1960-х гг. лишь применительно к охране природы¹.

Российские авторы, ссылаясь на опыт периода 70–80-х гг., не вполне корректно, на наш взгляд, указывают на «активное развитие корпоративного законодательства в отношении групп организаций – хозяйственных объединений» [6. – С. 361]. Такой вывод может быть обоснован лишь применительно к законодательству второй половины 1980-х гг. о хозяйственных объединениях².

На тот момент методология правового конструирования концептуальной модели корпоративного управления в СССР отсутствовала, так как принципы, структура и этапы встраивания обязательной корпоративной социальной ответственности субъектов экономики не разрабатывались. Отметим, что вопросы социальной ответственности субъектов социалистической экономики в период так называемого административного рынка до сих пор удовлетворительно не разрешены и представляются важной темой для самостоятельного исследования.

В целом же российским предпринимателям, юристам и законодателю при переходе к рынку сложно было опереться как в вопросах корпоративного управления, так и в его устойчивости, на отечественные традиции, опыт и концепции. Это предопределило ориентацию на западный опыт корпоративного управления в целом и его развитие в современных направлениях деятельности.

При переходе к рынку в начале 1990-х гг. неоднократно обсуждались различные подходы к институализации общих норм социальной ответственности бизнеса, хотя их формализация началась с существенным опозданием и продолжалась по мере преодоления социально-экономического кризиса и выхода из периода «дикого капитализма». В определенной мере это можно связать с тем, что до Конституции России 1993 г. на уровне конституционного регулирования не было положений, которые бы указывали на корпоративную социальную ответственность (далее – КСО).

«Российский кодекс предпринимательской этики» был разработан Торгово-промышленной палатой (ТПП) в 1998 г., а в 2003 г. Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) принял «Хартию корпоративной деловой этики»³. С аналогичными инициативами, направленными на совершенствование корпоративного управления, выступали Федеральная служба по финансовым рынкам, а затем общественные объединения.

Нормы социальной ответственности в корпоративном управлении транслировались в России международными субъектами экономики. Так, в 2005 г. Министерство торговли США, используя площадку Российско-американского делового диалога, издало на русском языке «Руководство по управлению ответственным предприятием в развивающейся рыночной экономике». Аналогичный документ в 2010 г. был подготовлен Российско-германской внешнеторговой палатой в виде «Инициативы по корпоративной этике в Российской Федерации», к которой присоединились около сотни российских и иностранных компаний, обязавшись не участвовать в коррупционных сделках [6]. Как отмечает А. В. Иванова, с начала 2000-х гг. «под давлением внешней среды» либо «исходя из внутренних побуждений»

¹ Об охране окружающей среды: сборник документов партии и правительства, 1917-1981 гг. – М.: Политиздат, 1981.

² Закон СССР от 30 июня 1987 г. «О государственном предприятии (объединении)»; Положение о Государственном производственном объединении, утв. постановлением Совета Министров СССР от 23 сентября 1987 г.

³ РСПП. – URL: <https://media.rspp.ru/document/1/e/e/ee483c6c871ebbc8db8628ab907c9eb7.pdf>

крупные отечественные компании разрабатывали подход в виде механизмов «мягкого» управления к вопросам социальной ответственности своего бизнеса [1. – С. 174]. Обратим внимание, что автор не делает акцент на роли государства, которое не проявляло активности в этом направлении.

Одной лишь регламентации для реализации политики КСО недостаточно. Необходимы, как обоснованно подчеркивает Е. И. Савин, «сформировавшийся национальный бизнес, крепкое демократическое государство и развитое гражданское общество» [7. – С. 16]. Эта позиция базируется на высказывании М. Портера о том, что успешной корпорации столь же необходимо здоровое общество, сколько обществу – здоровый бизнес [10].

Исследуя опыт и практику транснациональных компаний (далее – ТНК), российские эксперты признают «целесообразность использования кодексов корпоративной этики в качестве эффективного управленческого инструмента» [2. – С. 124]. Сегодня такие кодексы – это один из признаков приверженности бизнеса нормам добросовестного ведения дел, что, однако, не дает повода для их абсолютизации. Так, Е. А. Иванова исходит из того, что «одно лишь наличие такого “мягкого” инструмента управления в компании сигнализирует о налаженной системе корпоративного управления и сильной организационной культуре» [1. – С. 169], что, на наш взгляд, является по меньшей мере преувеличением, так как само по себе наличие документа еще не гарантирует ни налаженности, ни силы. В полной мере это показал опыт мирового финансового кризиса, виновниками которого были в том числе крупные корпорации, имевшие такие кодексы [7. – С. 15].

Опыт мирового кризиса 2008–2010 гг. показал, что отсутствие этических принципов, прописанных в корпоративных кодексах, стало непосредственным поводом к пересмотру позиций государств относительно норм «мягкого» регулирования. Многим из ранее добровольных (но часто не исполняемых) обязательств в новых условиях начали придавать обязательный статус. Базовые постулаты КСО, как обоснованно отмечает Е. А. Иванова [1. – С. 181], поставлены под сомнение растущим числом (и объемами) корпоративных скандалов. П. Флеминг и М. Джонс в этой связи идут далее, указывая на то, что переоценка КСО – это следствие того, что безусловным приоритетом для лидеров глобального рынка является принцип извлечения прибыли, а КСО при

этом всего лишь один из инструментов достижения этой главной цели [9], но никак не базис корпоративной стратегии российской компании, тем более с государственным участием.

В России этические кодексы действуют в основном в ключевых секторах экономики: более 15% – в банковском секторе, в машиностроении – более 10%, на транспорте – около 8%, в сфере телекоммуникаций и связи – почти 4,7%. На российский ТЭК приходится свыше 42% всех действующих этических кодексов. Учитывая то, что в этих документах фрагментарно затронуты вопросы устойчивого развития и ESG-повестки, обратим внимание на предприятие «Норильский никель», где в 2020 г. произошла масштабная авария, повлекшая тяжелые последствия для экологии региона. Эта ситуация не нарушала этического кодекса, так как последний был принят спустя два месяца после произошедшего¹.

Комитет общественной организации «Деловая Россия» по социальной ответственности бизнеса, меценатству и благотворительности отмечает, что системные социальные инвестиции, которые можно рассматривать как реализацию политики устойчивого развития, в основном отсутствуют в российских компаниях. Преобладают «разовые ... благотворительные проекты», слабо «связанные с концептуальной стратегией своего развития»².

Отечественная аналитика КСО противоречива. Так, изучив общественное мнение, некоторые авторы [4. – С. 36], ссылаясь на положение дел в ПАО «Ростелеком», делают вывод о том, что «ожидание граждан направлено в большей степени на выполнение организациями своих обязательств перед сотрудниками», имея в виду материальное стимулирование, обеспечение условий труда и обучения³. Отсюда в качестве мнения социума, под которым, вероятно, понимается коллектив указанной компании, преподносится вывод о том, что экология, благотворительность и социальные программы менее значимы, чем кадровая политика. Н. А. Мамедова и С. В. Мухамедова рекомендуют «ориентировать социально-ответственную деятельность ... бизнес-структур

¹ Кодекс деловой этики ПАО ГМК «Норильский никель». Утв. Советом директоров ПАО ГМК. – URL: https://www.nornickel.ru/upload/iblock/4ab/kodeks_delovoj_ehitiki.pdf

² Комитет «Деловой России» по социальной ответственности бизнеса, меценатству и благотворительности. – URL: <http://delocsr.ru>

³ ПАО «Ростелеком». – URL: <http://www.rostelecom.ru>

на выполнение обязательств перед своими сотрудниками» [4], что является соблюдением трудового законодательства и лишь частично может быть отнесено к рассматриваемой проблематике.

Усиление санкций, нарастание неопределенности и рисков усиливают давление на общество, в связи с чем предъявляются повышенные требования к устойчивому корпоративному управлению и КСО. При этом в ЕС в целом уже признаны слабость и недостаточность одного лишь «мягкого» регулирования КСО. Эта политика должна быть формализована, также необходима нормативно обоснованная концептуальная модель устойчивого корпоративного управления.

Начать следует с понятийного аппарата. Термин «корпоративная социальная ответственность» в российском законодательстве никак не определен. Доктринально это понятие в основном рассматривается в контексте принципов и практики устойчивого развития. В контексте европейского опыта под КСО понимается общая концепция, тренд добровольного поведения коммерческих компаний, стремящихся, кроме получения прибыли, к сохранению окружающей среды, поддержанию социальной стабильности и позитивной динамики общественных отношений¹.

С начала 2000-х гг. и до пандемии европейские законодатель и регуляторы в духе либеральных подходов придерживались концепции полной добровольности такой политики, что в целом соответствует теории социальной рыночной экономики. В России в условиях внешнего давления и существенного ослабления конъюнктуры из-за ухудшения положения российских компаний они все чаще стали игнорировать или минимизировать свои социальные обязательства. В таких условиях для реализации социальной ответственности принципа добровольности оказалось недостаточно.

Схожая ситуация в Европе заставила Европейскую комиссию (ЕК) все активнее обсуждать возможность законодательного введения обязательности такой политики для корпораций, которые должны минимизировать экологические риски и решать социальные проблемы.

Российский законодатель может испытывать затруднение в связи с тем, что Конституция России не содержит положений, которые прямо или косвенно указывали бы на КСО. Сложно согласиться с А. А. Морозовым в том, что правовое регулирование в России «осуществляется посредством многих нормативно-правовых актов, которые были приняты в разное время» [5. – С. 8], так как нет ни отдельного специально регулирующего эту сферу акта, ни системного регулирования совокупностью действующих актов. Наличие федерального закона «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» свидетельствует о регулировании лишь отдельного, не основного сегмента в структуре КСО.

Системное регулирование затруднено тем, что в соответствии с частью 1 статьи 2 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) предпринимательская деятельность направлена исключительно на регулярное получение прибыли, при этом интересы общества, устойчивое развитие, права человека и ESG-повестка игнорируются. В этом смысле до внесения изменений в указанную статью перспективы введения обязательной социальной ответственности бизнеса представляются неопределенными.

В менеджменте понятие социальной ответственности бизнеса имеет разные трактовки. В узком смысле это обязанности компании в сфере соблюдения трудовых прав сотрудников, экологических нормативов и требований, которые закреплены законодательно. Прежде всего традиционный подход к корпоративной социальной ответственности учитывает своевременную и полную выплату заработной платы, уплату налогов, соблюдение природоохранного законодательства.

Согласно традиционному подходу, социальная ответственность бизнеса обязательна, закреплена в трудовом, природоохранном и ином законодательстве и действует в основном в сфере социально-трудовых отношений и сохранения природы. Как отмечает М. В. Киварина, обязательная социальная ответственность бизнеса есть не что иное, как «метод цивилизованного решения социально-трудовых конфликтов» через запуск «механизма достижения социальной стабильности общества» [3. – С. 118]. Понятие «цивилизованный» здесь представляется не вполне уместным, ведь речь идет о соблюдении норм закона. Позиция же данного автора по якобы идущему в России «процессу создания правовых основ и механизмов реализации взаимодействия власти

¹ Promoting a European framework for corporate social responsibility. Green Paper., European Commission, Directorate-General for Employment and Social Affairs Unit EMPL / D.1, 2001.

и бизнеса в рамках трипартизма (правительство – профсоюзы – предприниматели)» представляется идеалистической. По результатам социологических опросов¹, в действительности роль профсоюзов минимальна, а в большей части случаев вообще не просматривается.

При наличии мощных профсоюзов (в идеальной модели), работающих на принципах тред-юнионизма, в социально-трудовой сфере выстраивается система сдержек и противовесов, способная обеспечить соблюдение трудовых прав. КСО бизнеса в этой части могут контролировать профсоюзы и иные институты гражданского общества.

Российские исследователи рассматривают КСО бизнеса в сферах, прямо не связанных с основной деятельностью компании и формально выходящих за пределы определенного законодательного минимума, как и принятых в российском обществе норм. При этом высшей формой КСО бизнеса признается «включение его в систему социального партнерства» [3. – С. 118], в рамках которой ответственность за решение общественно значимых проблем перераспределяется между обществом, государством и бизнесом. В идеальной модели также работает механизм контроля гражданского общества.

В 2010-е гг. институционализация КСО активно шла на базе инсайдерской модели, которая тогда, в условиях относительной стабильности, основывалась на поощрении государством социально ответственного поведения компаний [8. – С. 75]. В современных условиях такая модель уже недостаточна. Кризисные явления в экономике и внешние затруднения заставляют бизнес сворачивать социальные программы и соответствующую ответственность при сохранении базовой цели – максимизации прибыли. Это направление движения уже не соответствует добровольной философии КСО, предполагающей движение от благотворительности – к имиджу и системным социальным инвестициям. В текущих условиях необходимо законодательное закрепление уже не только принципов социального партнерства.

Востребованная сегодня методология правового конструирования концептуальной модели устойчивого корпоративного управления предполагает системность и поэтапность. На первом этапе следует внести изменения в базовые по-

ложения части 1 статьи 2 ГК РФ, введя туда положение о социальной ответственности предпринимателей. При этом обязательная корпоративная социальная ответственность бизнеса должна иметь характер не «обложения» социальными обязательствами, а закрепления базовых положений и принципов с минимально установленными пределами обязательности их исполнения для всех участников рынка независимо от их размера, как это сделано в ЕС.

¹ Профсоюзы сегодня// ВЦИОМ. 2019. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/profsoyuzy-segodnya>

Список литературы

1. *Иванова Е. А.* Корпоративные этические кодексы в управлении российскими компаниями // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. – 2014. – № 2. – С. 164–190.
2. *Касаткина А. С., Рудерман И. Ф.* Кодексы корпоративной этики транснациональных компаний: сравнительно-правовой контент-анализ // Российский юридический журнал. – 2022. – № 5 (146). – С. 131–139.
3. *Киварина М. В.* Корпоративная социальная ответственность // Экономический журнал. – 2011. – № 23. – С. 116–121.
4. *Мамедова Н. А., Мухамедова С. В.* Корпоративная социальная ответственность российских компаний: соответствие социальным ожиданиям // Концепт. – 2017. – № 7. – С. 32–38.
5. *Морозов А. А.* Регулирование корпоративной социальной ответственности в России за последние годы // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2021. – №1–2. – С. 6–10.
6. *Овод И. В., Свицерский О. А., Зайцев В. А.* Государственное регулирование корпоративных отношений в РСФСР // Теория и практика современной науки. – 2019. – № 6 (48). – С. 358–364.
7. *Савин Е. И.* Развитие корпоративной социальной ответственности в условиях мирового финансового кризиса // Российское предпринимательство. – 2009. – № 11-2. – С. 10–17.
8. *Салимова Т. А., Ольховикова Н. Б.* Инструменты системной деятельности по улучшению в области социально ответственного поведения организации // Стандарты и качество. – 2012. – № 12 (906). – С. 74–78.
9. *Fleming P., Jones M. T.* The End of Corporate Social Responsibility: Crisis and Critique. – London : SAGE Publications Ltd., 2013.
10. *Porter M. E., Kramer M. R.* The Link Between Competitive Advantage and Corporate Social Responsibility. – Harvard Business Review, 2006.